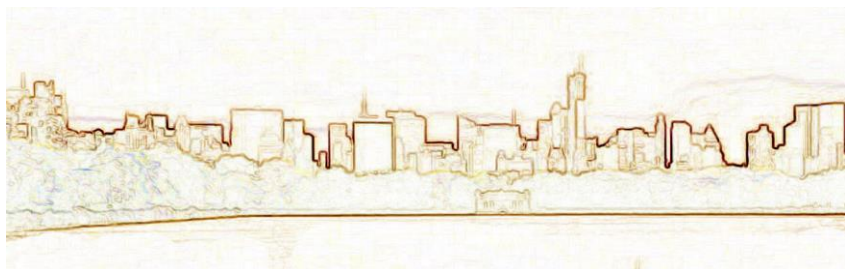

Василий Тюренок

Стихи II

Осенняя Ладога

Пустынные дюны шуршат пожелтелой осокой.
Вечернее небо, сгустившись и став невысоким,
Крадёт валуны – обомшелую древнюю рухлядь.
Дождями питаюсь, сосновые кроны разбухли.
Здесь всё остывает: природа, сомнения, души;
Холодная Ладога солнце закатное душит,
Глотает малиновый шар молчаливым безбрежьем...
Приливы тупой безнадёги случаются реже.

Колышется сумрак, лениво раскинувшись в плавнях.
Становится время тягучим, податливым, плавным –
Ползёт, замирая, меняет движения вектор...
Блуждает у кромки воды неопознанный некто.
Над лесом вздымаются стрелы еловых наверхий.
Скользят бесприютные тени живых и умерших.
Опушки темнеют в размывах туманного воска...
Лишайник на скалах, и ветер осенне-промозглый.

04.15

Закат

Стелился сумрак по лугам,
Закатом дальний остров мяло,
И месяц тощие рога
Точил о небо-одеяло.
Ещё ни запаха зимы,
Озёрный рай обжили утки,
Чего же больше – света, тьмы
Таят в себе земные сутки?
Что выше: космос и покой
Или стремление к победе?
Паслись олени за рекой,
Уснув, сопели в люльках дети.
Звезда тропинкою вела,
На землю свет роняя горний...
И груша дикая цвела,
В змеиный склон пуская корни.

11.14

Осенний Таллинн 1980

Осенний сумрак плыл сиренево,
Клубился шорохом шагреневым,
Балтийской влагой набухал.
Деревья – мученики сонные –
Дрожали странными фасонами
Полуистлевших опахал.
Под небом – тёмным сводом-пологом –
Томился звук – вечерний колокол –
Звонил безвестный пономарь,
И шпиль – чёрные громадины
В зеленоватой дымке патины –
Пронзали северную хмарь.

Закатный луч, скользнув над ратушей,
На миг распавшись гаммой радужной,
Нырлял обратно в облака,
А ты – задумчивая-строгая –
Мою щеку ладонью трогая,
Сулила вечные блага.
И город, каменно-игрушечный,
Под маской пряча лик старушечий,
Бежал, вздымался, падал ниц.
Дрожа под зонтиком сиреневым,
Молчала ты о нас, о времени –
Текла печаль из-под ресниц.

И мы – светящиеся, странные –
Брели послушными баранами
К обильным пастбищам иным –
Лесными сумрачными кущами,
Лугами пьяными цветущими –
Никто не чувствовал вины.
Туманный свет далёкой осени –
Потусторонний, сонный, сосенный,
Ветра – то скрипка, то гобой...
Юнцы – слепые-некрещёные –
Идём проулками мощёными,
И целый мир у нас с тобой.

Из окна электрички Ленинград – Комарово

Молча плывут облаков тонкорунные стаи.
Лают собаки, беззвучно пространство съедая.
Хищные тени бросаются сверху на рощи.
Сонная жвачка коровы – угрюмой и тощей.
Призрак деревни, осока ржавеющих кочек.
Птицы над полем – лиловые редкие точки.
Торф под унылыми мхами, гниющими буро.
Грязь огородов, нелепо снующие куры.

Змейка асфальта, тягучих речушек извивы,
Серая вечность мелькающих пятен залива,
Рваные кожи уснувших лесов на пригорках,
Стаи дымов – равнодушно-упругих и горьких.
Насыпь песчаная, хилые кустики, сажа.
Солнце лениво рисует на тусклых пейзажах,
В воздух осенний вплетая легчайшие взвеси...
Ели сменяют тоскливый парад редколесья.

Вот и Сестра – молчаливо текущая горечь.
Спящий валун, поминающий дальние горы.
Надолбы серые – призраки бывшей границы,
Чайки кричащие – глупые гордые птицы.
Кроны, дрожащие под налетающим ветром,
Резвость лезгинки дорожных столбов-километров,
Финский порядок осенне-скупых территорий,
Влагой дождей напитавшийся профилакторий.

Мчит электричка – упруго-зелёной цепочкой...
Можно представить вагон диогеновской бочкой –
Легче усвоить простые законы покоя.
Тучи клубятся – вот-вот и дождями напоят.
Можно смотреть и не думать о канувшем лете...
Всё, что случилось, уносит октябрьский ветер.
Всё, что случится, укрыто безбрежностью сосен.
Нет ничего – только небо и вечная осень.

04.15

Ночной город

Висит морозец гулкой пустотой...
Остывших окон матовый настой
Течёт во тьму... Ни кошек, ни прохожих.
Метёт позёмка льдистый тротуар –
Ни голосов, ни скрежетов, ни фар –
Лишь темнота прокалывает кожу.

Гиганты-тени, снежное сумо;
Тепло парадных движется само –
Перетекает, плавится и дышит.
Куруется люк – вздымающийся пар
Туманит окна, вывеску “Гриль-Бар”,
Ползёт куда-то – выше, выше, выше.

Пекарня... Запах булочно-ржаной,
Переплетаясь с влажной тишиной,
Бесшумно трансформируется в голод.
Дрожит неонем сонный гастроном,
Стремясь понять коммерческим умом,
О чём тоскует этот странный город.

Тугим тамтамом ухающих свай
Грохочет заблудившийся трамвай
Среди домов, насупившихся строго.
Никто не тронет за руку – “Постой!..”
Иду куда-то улицей пустой,
И снег ложится, кутая дорогу.

04.15

За окном стемнело, воздух пег

За окном стемнело, воздух пег.
Океан взволнованно бормочет.
В кружева сплетающийся снег
Исчезает в жадной пасти ночи.
Ни звезды, ни неба, ни луны...
Тишина – ни возгласа, ни оха.
На земле машины – валуны –
Обрастают пенящимся мохом.

Сладко спит насытившийся век –
Лыбит рот, предвидя новый бонус.
За окном паря, легчайший снег
Поглощает видимость и хронос.
Вдаль плывёт с вальяжностью лодей
Сонный флот – автобусы-планеты...
Снег давно не радует людей –
Все устали – ждут тепла и света.

03.15

Вот и всё – метели отмели

Вот и всё – метели отмели,
Стаял лёд в оконных переплётах.
Почки вербы – сонные шмели –
Зреют жаждой будущих полётов.
Растеряет фатум зимний яд,
Снег, сойдя, мать-мачеху разбудит,
Всё вернётся, птицы прилетят,
Только нас с тобой уже не будет.

Время тупо движется вперёд,
Давит всех – упитанных и тощих –
Всяк живой когда-нибудь умрёт,
Став рекой, туманом или рощей.
Подведёт апрель скупой итог –
Что-то вспыхнет, вызреет, порвётся...
Унесётся радостный поток –
Тот, куда войти нам не придётся.

03.15

Я лежу

*Я сижу в темноте. И она не хуже
в комнате, чем темнота снаружи.*

И. Бродский
.....

Я лежу один, вспоминаю школу,
Пионерский пыл, водку с пепси колой,
Монотонный хаки солдатских касок,
Смену дней, столетий, осенних красок.

Я лежу один, шевелю губами,
Телевизор нудно грозит Обаме,
Прибавляют люди в уме и весе,
За окном глумится беззубый месяц.

Я торчал бы сутки у барной стойки,
Но лежу один на больничной койке –
Вспоминаю город дождей, трамваев...
Люди смотрят телек – кричат, кивают.

Доктора похожи на строгих фебов,
Я лежу один и смотрю на небо,
Вижу дым окраин, закат в осинах,
Монолитный бюст медсестрицы Зины.

Я лежу один, разменяв полтинник,
Погружаюсь в ил, накрываюсь тиной,
Постоянный ток неконкретной мысли
Замыкает цепь фонарей обвислых.
Мой казённый быт бесконечно нудный –
Ни Карибов с ромом, ни тяжких будней –
Поминаю всеу порочность круга,
Двух ушедших жён и одну подругу.

Я лежу, давлюсь пирогом с картошкой,
По земле бегут облака и кошка,
Ветер гонит пыль, копошатся тени,
За окном дрожит город-неврастеник.
Я лежу один – пофигист и трутень,
Разгребаю горы житейской мути –
Под дурные вопли больной Вселенной
В потолок плюю и чешу колено.

Канкун блюз

В море рассвет – алый разлив морса.
Бледный туман, утренний сон лагун.
Лаймовый сок, кремовый цвет торсов,
Это – Канкун, детка, это – Канкун.
Лижет волну тень пеликан-птицы.
Дремлющий риф – дикий угрюмый гунн.
Запах песка, жёлтых текил, пиццы,
Это – Канкун, детка, это – Канкун.

Плавит жарой небо, людей, воду...
Лень игуан, спящий в тени ракун.
Soul and Jazz – и никакой коды,
Это – Канкун, детка, это – Канкун.
Тлеющий пляж, ром пополам с колой,
Шорох стрекоз, суток, недель, лет,
Солнце в глаза – Hola, Канкун, Hola –
Благословен тёплых лагун свет.

Это – Канкун, жаркий Канкун, trust me,
Yellow and blue – масел густых мазки.
Здесь даже дождь – шумный, чумной, страстный –
Дольше любой самой смурной тоски.
Это – Канкун – пряно-хмельной омут –
Мягкий клубок грёз, миражей, нег...
Город текил, ввергнутый в сон-кому –
Рай, где не знают, как тихо идёт снег.

03.15

Снег в Нью-Йорке

Снег ложился одеялом,
На земле взбивал омлет.
Город сдался – таял вяло –
Исчезал в белёсой мгле.
Нависая жадным небом,
Снег заглатывал дома...
Шли автобусы-амёбы,
Тычась фарами в туман.

Звуки скрадывались ватой,
Разбухали провода,
Бормотала виновато
Океанская вода.
Облачилась липа в тогу –
Стать, осанка далай-лам...
Визг счастливого бульдога
Резал мир напололам.

Тихий, странный, мутно-белый,
День на вечер был похож...
Кто-то щедрый сыпал мелом
В город разных вер и кож.
Тротуары стали небом,
Небо – битой скорлупой...
И фонарь желтел нелепо –
Равнодушный и слепой.

12.15

Снег в Питере

Продрогший город чах, бесснежно-гол,
Вдоль серых стен раскачивались тени...
Никто не смел – ни голод, ни монгол –
Явиться в мир подобным запустеньем.
Притихший Питер – сумеречный бриг –
Плыл в темноте – вне времени и галса –
И где-то в глубине рождался крик –
Зрел, набухал, сочился, воспалялся.
Но высоко в безмерности пространств
Уже сошлись в одно тепло и холод,
И снег, кружась, ввергая землю в транс,
Накрыл мохнатой взвесью сонный город:
Чугун оград, обшарпанный гранит,
Замшелые фасады тёмных зданий,
Тоску каналов... Каждый звук хранил
Непостижимость тайны мирозданья.
И этой тайны строгая печать –
Холодной знак глубинной тьмы колодца –
Звала молчать – не думать и молчать –
Вела на свет – точнейшая из лоций.

Снег укрывал декабрьскую грязь,
Глотал дома, дороги и машины,
И ели, молчаливо возносясь,
Под облаками прятали вершины.

12.14

Июль 81г

Тополиный пух на Мойке,
Биржа солнцем сожжена,
Не скрипят в общежитии койки,
В пищеблоке – тишина.
Все свалили: кто на взморье,
Кто на дачу, кто к родне...
Слесарь ЖЭКа дядя Боря
Каждый день с утра “на дне”.

У пивных ларьков – убийство:
Тот с бидоном, та с ведром.
Комарищи-кровопийцы,
Злые запахи в метро.
Пьяный вид трамвайных линий,
Чебуреки за гроши...
Афродиты в юбках мини
Как-то слишком хороши.

Струи радужных фонтанов,
Смачно пахнущий асфальт,
Ноги-скулы-шеи-станы
Светок, Леночек и Валь...
Разноцветно-шумный Невский,
Сквер-скамеечка-портвейн,
Дождевые нити-лески,
Ошалевший муравей.

Вечерами – сумрак сизый,
Тени, шорохи, уют.
До утра соседи снизу
То дерутся, то поют.
В пять – возня молочной бочки,
В шесть – чумной котовой слёт.
Гимном рвёт радиоточку –
Город дышит... жизнь идёт.

11.14

Мы держали южный склон

Мы держали южный склон –
Взмокшие, как шпроты.
Духи лезли с трёх сторон,
Нас – до полуроты –
Верных Родине сынов –
Шибко злых и вредных
Повзрослевших пацанов –
Лет по двадцать в среднем.
Ленинград-Полтава-Тверь-
Минск-Таруса-Таллинн...
Небольшой процент потерь –
К дембелю медали.

Трассы резали скалу –
Поцелуи ада...
Рикошет обжѐг скулу –
Мелочь, но досада.
Грохот, крики, злая вонь,
Бруствера подушка.
Духи лезли под огонь,
Ухала вертушка.
Пламя – жѐлто-рыжий конь,
Склон – косая плаха...
Духи лезли под огонь –
Воины Аллаха.

12.14

Вечера в Коркино

Всплыл над Коркино закат, расплескался ало.
Скот был крупен и рогат, снег – лилово-талым.
Кочет нервничал: “Ко-ко”, щурились коровы...
Бабы – кровь да молоко, мужики – здоровы.
Поросёночек Амур, гуси гоготливы,
Кот за кошкой – мур да мур – в меру похотливый.

Ладил сани дед Антип, печь топила Груша,
Председатель – мерзкий тип – самогонку кушал.
Всё готовилось дышать – тайно – тихой сапой...
Не пытался возражать сам районный папа.
Тени делались шустрой, на морозце пелось...
Пусть не будет снегирей – лишь бы растеплелось.

.....

Сумрак лёг в гнездо опят... Росы – словно бусинки.
Ель, пушистая до пят – прям коса у Люсеньки.
Вот накину пинжачок, перешитый Кацманом,
“Слава Партии!” значок заискрит на лацкане...
Дерзко к Люсе завалюсь сквозь жасмины снежные,
Видел много всяких люсь, эта ж – лебедь нежная.

Подарю ей шаль-платок, два колечка с бусами,
Станем мы играть в лото, выпивать-закусывать...
Много слов, да все не те... Простокваша в глечике...
Ах, как тают в темноте Люсенькины плечики!
Месяц – пакостник-стервец – глянет в окна искося...
Ну когда ж я, наконец, всё решусь ей высказать?

01.15

Чероки

Шёл охотник – бесстрашный чероки –
Добывать великана-бизона.
Ночевал на постели из хвои,
Пил хрусталь – родниковую воду.
Две луны промелькнули на небе,
Паутины в лесу появились,
Но бесследно исчезли бизоны –
Видно, лука его испугались.

Шёл чероки, и встретил голландцев –
Те, устроив запруду на речке,
Силу быстрой воды забирали
И молились печальному Богу.
Дружелюбными были голландцы –
Угостили чероки сырами,
Пряным вяленным мясом индейки
И огнём из зелёной бутылки.

И почувствовал радость чероки,
Позабыл о далёком вигваме,
Полюбил добродушных голландцев
И огонь из зелёной бутылки.
Каждый день, замирая над лесом,
Солнце падало в дикие горы...
Монотонно стуча, механизмы
Кукурузу исправно дробили.

03.17

Ты вернёшься

Ты вернёшься домой по тропинкам, заросшим травой,
Бесконечность пространства растает затерянным эхом,
Из созвездий лисиц – голубыми ворсинками меха –
Понесутся сигналы – ты дома, ты снова живой.
Ты вернёшься сиреневым запахом ранней весны,
Прикоснёшься, сутулясь, к холодным тоскующим стенам...
Оживут в полусумраке комнат замёрзшие вены,
Навсегда изгоняя тягучие зимние сны.

Ты вернёшься малиновой порослью за гаражом
Вопреки бестолковой судьбе, назначающей сроки –
Разнесут невозможную новость дурные сороки,
Повзрослевшие клёны расшепчутся: “Всё хорошо...”
И в забвение канут разорванной жизни куски –
Незнакомые тени пустых продуваемых парков,
Фиолетовый воздух подхватит порывисто-жарко,
Унося из чугунных объятий змеиной тоски.

Ты вернёшься без мыслей о времени, что утекло,
Занавески потрогаешь – нехотя, будто случайно.
Закипит, возникая из прошлого, бежевый чайник,
И настольная лампа мигнёт запылённым стеклом.
Ты придёшь похудевший, чужими ночами томим,
Над темнеющей рощей вишнёво повиснут закаты,
Поплывут полутени с холмов, розовато-покатых,
И олени вернуться к забытым кормушкам твоим.

12.14

Небо над водой

Скоро лес догорит... облетит, почернеет, растает.
День уходит неспешно, в туманную влагу одет.
Суетливые птицы сбиваются в шумные стаи,
Облака набухают в густой молчаливой воде.
Время дышит холодным осенне-скупым ароматом –
То ли утренний сон, то ли тихий блаженный запой...
За тончайшую грань ускользает закат – безвозвратно,
Непонятно-короткую жизнь уводя за собой.

Но за гранью нечёткой, в тени пустоты безмятежной,
Загорятся далёкими звёздами новому мне
Спящий город – бормочущий, хриплый, простуженно-снежный,
Ощетиненный кактус в темнеющем зимнем окне,
Молчаливо-статичный покой разноцветного пледа,
Дым над мокнущей крышей – уютный, упруго-витой...
В пустоте за чертой будет лишь бесконечное лето,
Где холодное небо повисло над тёмной водой.

01.15

В феврале

...в эту зиму с ума я опять не сошел...

И. Бродский

.....

В феврале я с катушек опять не слетел,
Не напился на день Валентина.
Оголённые ветви сплетением тел
Согревали бугристые льдины.
Копошилась зима неотложностью дел,
Тасовала краплёные карты...
В феврале я с катушек опять не слетел –
Отложил процедуру до марта.

Океан серебрился тяжёлой луной,
Бесновались угрюмые тени.
Улыбался в окне сумасшедший больной,
Бормотал за стеной неврастеник.
Исходила волна шелестящей слюной,
Первобытно-немыслимой силой...
Океан серебрился тяжёлой луной,
Предвещая землянам могилу.

Одинокий фонарь беспокойно дрожал
Истощённым обветренным телом...
Золотинки осколков – трясущихся жал –
Суетились на сумрачно-белом.
Засыпающий город призывно дышал
Лихорадкой случайных отметин...
Одинокий фонарь беспокойно дрожал,
Завывал заблудившийся ветер.

А вокруг – ни религий, ни пламенных лиц,
Ни настойчиво греющих трений.
Над гноящимся мраком блудливых столиц
Разгоралось безликое время –
Поднималось, лишённое полутонов,
Изливалось из нор водостоков...
Равнодушное небо смотрело в окно,
Набухая далёким востоком.

Валдай

Дрожал вагон, глотая полустанки,
Валдайский лес – чернее неба – спал.
Пронзённой ночи скользкие останки
Летели вслед, ложились между шпал.
Припоминая темь дворовых арок,
Ленивый полдень, лето, сонный плёс,
Я постигал под стук колёсных спарок
Простую суть прощания без слёз,
Науку жить в листве осенне-рысьей,
В тоске шершаво тлеющих осин,
Во тьме небесной – выстуженной выси,
В дрожании неона: “Магазин”,
В тугом осеннем крике птиц летящих,
Во влажном хрипе мартовских саней...
Я не жалел о жизни уходящей
И думал: будет новая за ней.

10.15

Свет

Какой-то важной сути лишены,
От страха отвыкая постепенно,
Мы движемся по гребню тишины –
Стремящиеся вырваться из плена –
Туда, где небо, тая пустотой,
Хранит упругий вес тысячелетий,
И времени беспмятный настой
Спасает от следов житейской плети:
Ночных теней, плывущих по воде,
Закатных встреч, огней кроваво-чадных...
И там, где страх уйдёт в небытие,
Родится свет – глухой и беспощадный.

12.14

Из окна

За окном висит луна –
Мельхиоровое блюдо.
Триста двадцать два слона...
Медсестра дежурит – Люда.
Небо – порванный ватин...
Пиала с остывшим чаем.
Тишина... сию один,
Из окна гляжу – скучаю.

.....

Пустынен пляж январский – не сезон.
Играет ветер высохшими листьями...
Неясный свет, вплетающийся в сон,
Готов раскрыть секреты вечной Истины.
Немая откровенность темноты...
Пространство неба, плотное и низкое.
Рассыпанные звёзды – как и ты –
Запретные, далёкие и близкие.

.....

Февраль любого месяца длинней...
Шныряет ветер улицей пустынной.
Причудливые контуры теней.
Луна висит неспелой полудыней.
Тепло, бесснежье, лужи не хрустят,
В тягучий мрак уходят сны и люди.
Дома стоят, насупившись – грустят –
Кого-то ждут, наверное... и любят.

.....

Закрыта дверь сентябрьского рая...
Исчезли птицы, что-то прокричав.
Над океаном солнце умирает.
Мерцает кнопка вызова врача.
Затихло время перед сменой года.
Ещё немного – снова потечёт...
Переходя в медлительную коду,
Жизнь завершает пристальный учёт.
В углах дрожат сиреневые тени,
Мутнеет кварц оконных половин...
Закатный блик расцвечивает стену –
Холодный знак истраченной любви.

12.14

Маета

Листва опалая легла,
Дома сутулятся.
Ползёт сиреневая мгла –
Ворует улицу.
Неделя – тополь отгорит –
Замрёт агатово...
Дворы пустынные; фонари
Желтеют матово.

Ночных сомнений маета
Захватит голову.
Прольётся в душу темнота –
Густое олово.
Луга туманны. Не слышны
Небес пророчества.
Избыток сна... и тишины...
И одиночества.

09.15

Дорога

Ощерились узкие тени-ножи,
Ночная дорога во мраке лежит –
Стекает под горку, ныряет в леса;
Темнеет уснувших домов полоса.
Статичная кома, покой тишины...
Мы самого главного днём лишены:
Умения слышать, как дышит лоза
И в травах блуждают небес голоса.

Невидим за гранью лиловый рассвет.
Луна равнодушная, Лермонтов-Фет,
Мерцание космоса, млечная прядь...
Стою бездыханно – боюсь потерять
Угрюмого леса неслышимый стон,
Холодные росчерки в небе пустом,
Туман, что над лугом белёсо повис...
Уносится время потоком абсцисс.

05.15

Багаж

Из всех земных восторгов-вознесений,
В реке времён прошедшее топя,
Оставлю лес – цветной-сырой-осенний,
Ночное небо, город и тебя.

Из всех насытно-жизненных вопросов
Возьму прозрачность зыбкого луча,
Луны осколки – белые торосы –
На беззащитно-восковых плечах...
И липкий страх ночной бессонной мысли,
Фонарный блик в темнеющем окне,
Земную цель, что не сумел осмыслить
Под шорох сучьев, тающих в огне...

И в глубине реки воспоминаний
Мелькнут туман, заката полоса,
Ямщик смурной, снега-дорога-сани,
Овал лица, усталые глаза,
Январский день – кончающийся, хрусткий,
Карельских сосен горькая кора
И перевал – чужой, опасный, узкий –
В забытых богом дружеских горах.
Всё остальное ветхой черепицей
Сорвётся в ночь, ища иной приют...
Падут из рук беспомощные спицы,
И ангелочки сладко запоют.

05.15

Больница

Ни Канкуна, Кёльна, Ниццы,
Ни паэлы, ни вина...
Запах дремлющей больницы,
Пляж пустынный из окна.
Ветер – бомж и неврастеник,
Небо – масляный туман.
Фонарей густые тени,
Бездыханные дома.
Ужас, дремлющий по-птичьи,
Стены – сонные слоны.
Вековое безразличье
Мельхиоровой луны.
Ни тепла, ни снов, ни жажды –
Липкий матовый настой...
Здесь всё кончится однажды,
Лопнув гулкой пустотой.

12.15

Закон

Планета наша так тесна,
Что даже небо здесь упруго.
Замкнёт ли новая весна
Края разомкнутого круга?
Холодный день дрожит в окне,
Листву остывшую ссылая;
Сгорая в жертвенном огне,
Молчат деревья – засыпают –
Незыблем осени закон.
Темно в прокуренной парадной...
И небо так же высоко,
И время так же неозвратно.

01.16

Блаженство

...и ощутить сиротство, как блаженство...

Б. Ахмадулина

.....

На песке вечерняя роса,
Солнце в океан сползает косо.
Прячет ветви в сонных небесах
Сумрачная крона абрикоса.
Гаснет обессиленный закат,
Изливаясь теменью на кущи.
Шорохи взволнованных цикад...
Тени всё отчётливее, гуще.

Тлеет россыпь звёздного пшена,
Остывает влага на травинках.
Неподвижность, Бог и тишина...
Воздух фиолетовый и винный.
Ночь ложится, звуков лишена,
Взгляд луны – доверчивый и женский.
Только небо, только тишина –
Вечное сиротское блаженство.

12.15

В конце лета

Темнеет воздух, звёздам в небе тесно,
Дневная жизнь готовится уснуть –
Укрыться безраздельностью небесной,
Утратив осязаемость и суть,
Затихнуть глубиной ночного пледа,
Растаять гулкой нервностью ворон...
Уходят дни ромашкового лета,
Редея гущей яблоневого крона.

Уходят дни – бесцветностью фасадов,
Холодной тьмой ранних вечеров,
Анабиозом мокнущего сада,
Унылой жвачкой дремлющих коров.
Развесит осень выцветшие флаги,
Смахнёт дождями пыль шершавых стен.
О, жизнь земная – дрожь легчайшей влаги
На тлеющем осиновом листе.

01.16

Январь

Раскинулась зима безумством январей,
Белёсо улеглась на улицы и крыши,
А в памяти дрожит, маячит акварель:
Туманы сентября и лес лилово-рыжий.
Сгустится темнота гудками поездов,
Упругой тишиной – по-летнему запойной –
И реки обнажат таинственный исток,
И тихие дожди об августе напомнят.

Истает в облаках беспмятство души,
Возникнут сонный лес, блуждающие блики,
Дербенник луговой – нектарен и душист –
И тени на воде, прохладны и безлики.
Откроются миры, где вязкой тишиной
Колышутся хлеба, волнуются оливы...
И время не спешит, стремлений лишено,
И я ещё живой, по-летнему счастливый.

01. 16

Парадная

*...я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой Охтой сквозь тысячу арок.*

И. Бродский
.....

Десять шумных эпох пролетели, следов не оставив...
Паренёк большеротый – я вновь пробегаю местами,
Где родился, узнав безысходность осенних пейзажей,
Запах летних проспектов, асфальта, троллейбусной сажки.

Открываю тугие привычно скрипящие двери,
Захожу в полумрак – трепещу, задыхаюсь – не верю –
Дух пелёнок, котлет, суэта торжествующей жизни,
Блики солнца на лестницах малознакомой отчизны.

Холод пыльных перил, потолок, штукатурка гнилая.
Коммуналки, глазки, безнадёга собачьего лая.
Хрипы сонных замков, оголённые лампочки ночи.
Вековая тоска дерматина, звонков, одиночеств.

Ощущение – будто кондуктор кричит: “Узловая!”
Я стою у стены, замерев, не дыша, узнавая
Проходящих людей, породивших меня – полукровку;
Обезумевших ос, забродивший сироп газировки.

Восемь комнат, сундук, затяжные попойки соседа,
Нелюдимый характер висящего велосипеда,
Винегрет из святого, слепого, туманного, злого,
Темноту коридора, призывные запахи плова.

Узнаю и молчу – не здороваюсь, не улыбаюсь.
Две коляски на лестничной клетке, моя – голубая.
Одиноко стою – бездыханно – ни вскрика, ни оха...
Проплывая, клубится тенями чужая эпоха.

03.16

Просека

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

А. Пушкин

.....

Кустарник просеки, малинник,
Охрипший лай далёких дач.
Дрожащий гул обвисших линий
Высоковольтных передач.
Роса едва заметной тропки,
Ветвей корявый варикоз,
Немой валун, подлесок робкий,
Сухие шорохи стрекоз.

Здесь нет модерна и винтажа,
Торгово-суетных рядов,
Звериных глаз многоэтажек,
Гнетущей силы городов.
Здесь мир спокойствия растений –
Болота, клюквенные мхи,
Игра легчайшей светотени
На листьях дремлющей ольхи.

Как будто движущийся Хронос
Остановился, утомлён...
Клубится мрак в сосновых кронах,
Молчит задумавшийся клён.
Надежды сотен поколений
Слоятся в дымке за рекой,
И нет ни жажды, ни стремлений...
Но есть свобода и покой.

03.16

Дача

Дождик – вкрадчивый и тихий –
Садоводство, вечер, чай...
Пятна рыжей облепихи –
Предосенняя печаль.
Фиолетовой финифтью
Вдалеке темнеет лес.
Еле видимые нити –
Связи жизни и небес.

Мокнут шиферные крыши...
Глядя в небо, лето ждём.
Облепиха ярко-рыже
Контрастирует с дождём.
Ищут в космосе удачу
Девять маленьких планет.
Свет в окне соседской дачи...
Будет лето или нет?

03.16

Сядем на рельсы

Сядем на рельсы и будем смотреть на рощу –
Впитывать небо, шуршание лёгких трав.
Светом разбавленный, мир станет ближе, проще,
Глупой покажется жажда узнать, кто прав.
Вечер густеющий, шмель, залетевший в пиво,
Бег электрички – далёкий надсадный гул...
Ноги твои в волдырях от лесной крапивы...
Лёгкие волосы, линия тёплых скул.

Где-то асфальт и огни, говорящий ящик,
Люди безликие, душная мгла метро...
Здесь – вековая нирвана лугов звенящих,
Тающий шёпот прохладных сухих ветров.
Ласточка взрежет пространство в полёте низком,
Лес запыляет, закатно-слепяще-рыж...
Будем сидеть и не думать, что где-то близко
Город холодного камня и чёрных крыш.

03.16

Рябины

Божьей волей от вьюги спасённые
Деревушки из снега торчат –
По четвёртый венец занесённые
Голубыми дымами горчат.
Бездыханный от страха и холода
Мир во власти январского сна...
Лишь рябины беспечны и молоды –
Всё надеются – будет весна.

Не сломить их снегами-морозами –
Разливают живительный сок –
Словно август прохладными росами
Остужает вечерний песок.
Мир проснётся, захлюпает слякотью,
Зажелтеет соломой стогов...
Канут в прошлое горькие ягоды –
В вековое безумство снегов.

03.16

Ночь

Солнце красной черепахой
Уползло за край небес.
С полувздохом-полуахом
В темноте растаял лес.
Ночь легла лиловым фетром –
Ни прохожих, ни машин.
Беззащитные под ветром
Всполошились камыши.
Полушорохи растений,
Великаны-валуны,
Ускользящие тени,
Свет безжизненной луны.
Над водой комар роится –
Сотни стонущих орав.
Крик встревожившейся птицы,
Шёпот сумеречных трав.

Середина лета... Ночью
Зеленел вдали восход.
Месяц, абрисом отточен,
Шёл Земле в противоход.
Глухо лязгали засовы,
Хрипло рв́ались голоса,
Хохоча, пугали совы
Близлежащие леса.
И казалось – тронешь воздух –
Обожжёшься тишиной.
В небе розовые звёзды.
Запах яблочно-ржаной.
Гул движения планеты –
Матюгайся, но держись –
Верь обманчивому лету,
Верь, что лето – это жизнь.

Если б знать: укроют шоры
Сад, крыжовниковый куст,
Я бы слышал каждый шорох,
Каждый сумеречный хруст,
Я бы слушал рёв пожарки,
Стоны, возгласы, шаги,
Шум ветров июльски-жарких,
Хрипы стынувшей шуги.
Знать бы раньше: отсекутся
Годы, в прошлом отгорев,
Я б запомнил даже блюдце,
Чайник, стол, семёрку треф,
Я бы сделал всё иначе,
Я бы в корень зрил и суть...
Жаль, нельзя судьбу заначить –
Ось времён не развернуть.

04.16

Там

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали...*

М. Цветаева

.....

Никто не стал ни Богом, ни Иудой,
Ни ангелом, ни тьмой.
Глухонемой, измученный простудой,
Иду домой –
Туда, где нет отчаяний, восторгов,
Обетов и оков,
Где тишина, холодный кафель морга
И сон веков.

Туда, где нет чугунно-зимних окон,
Безверия и вер,
Где лёгкий дым – упругий белый кокон –
Не рвётся вверх,
Где нет тоски ночей бессонно-летних,
Держав, простёртых ниц...
Закатных глаз, растапливавших сплетни
И льды границ.

Там нет бесспорных истин и потопов,
Рябин и воронья,
Ночной воды, куда осенний тополь
Листву ронял,
Разящих фраз, невыраженных мыслей,
Изысканных отрав...
Холодной мглы, вздымающейся выси
И сонных трав.

Там нет сомнений, сладости успеха,
Там вечность – тишина.
Там тишина – божественное эхо,
И тишина – жена.
Там нет земных мучительных падений,
Нет галстуков не в цвет...
Там в глубине блуждающие тени
И свет.

Ты говорила

Ты говорила: "Слова – это лишь слова...
Что нам слова? – мы друг другу навеки дадены."
Тают сугробы, сменяет главу глава,
Участь высот – низвергаться в глубины-впадины.
Ты говорила: "Стремительная река
Не позволяет цвести драгоценным лилиям..."
Кожа твоя излучала тепло. Рука
Мягко чертила небесные знаки-линии.

Ты говорила, и вечность плыла в глазах
Болью нездешней, сиреневой крышей пагоды...
Небо дрожало, светилась листвой лоза,
Дымкой лиловой клубясь, наливались ягоды.
Таяло солнце под ласковый голос твой –
Мёдом стекало, твердело корой окалины.
Где-то в глубинах рождался звериный вой –
Льдами раздавленный будущий голос Каина.

Ты говорила, алел в облаках миндаль,
Травы клонились под ветром сухим и розовым,
Тёплым закатом пылала над лесом даль –
Тайно, дрожа, наливалась глухими грозами.
Всё поменялось, ушли миллион эпох,
Тысячи лет пронеслись над садами с грушами.
Ты говоришь, виновато вздыхает Бог...
Я – как и прежде – не верю... молчу и слушаю.

04.16

Когда ты плачешь

Когда ты плачешь, звёздный сонм
На Землю смотрит, осуждая...
И день не день, и сон не сон,
И чашка в трещинах худая.
Когда ты плачешь, майский сад
Ветвями знак проклятья чертит,
И всюду темень, всюду ад:
Смола кипит, глумятся черти.

Ты плачешь... горько из-под век
Текут дожди – над миром виснут,
А я – несчастный человек –
Бессилен что-либо осмыслить –
Бессилен чайник вскипятить –
Дрожу, насаженный на вертел,
И дни – не более пяти –
Считаю до ближайшей смерти.

Когда ты плачешь, я молчу –
Что говорить? Слова излишни.
Смотрю в окно на алычу,
На бледно-розовые вишни.
Когда ты плачешь, стынет день,
В январь вернувшийся из мая,
И я – беспомощная тень –
Гляжу на мир, не понимая.

04.16

Ночной Ленинград

Ворот распахнутый, одеколон,
Сессии мрак под глазами.
Бурые туши ростральных колонн
Смотрят голодными псами.
Белая ночь – не горят фонари,
Шастают тени пугливо...
Если не в силах молчать – заори –
Эхо умчится к заливу.

Вечная статья флегматичной реки –
Древняя тайная сила,
Крейсер "Аврора" – салют, моряки!
Выхлоп бензиновый Зила.
Бешеный грохот трамвайных колёс –
Дикий бессмысленный амок.
Ветер со Стрелки прохладу принёс...
Дремлет Михайловский замок.

Скверик, фонтан, автоматы ситро,
Гордо-чугунный де Толли,
Яркие символы "М" у метро,
Гул ресторанных застолий.
Следуя курсом – медлительный язь –
Мудрый загадочный ребус –
Едет, качаясь, уютно светясь,
Мой предпоследний троллейбус.

Ленин – коряво темнеющий бес –
Веник растрёпанный банный.
Рвёт перспективу лиловых небес
Шпиль над часами Финбана.
Пух тополиный уносит вода –
Месседж, отправленный в личку...
Еду куда-то – совсем не туда,
Сев не в свою электричку.

04.16

Новый Год в Ленинграде

...каждый сам себе царь и верблюд...

И. Бродский

.....

Новый год... Мельхиоровы вилки,
Счищен с улиц неряшливый лёд.
Раскисают от влаги опилки
На полу гастронома "Полёт".
Запах кофе, рокфора, селёдки.
Продавец – белоснежный Пилат –
Отпускает счастливице-тётке
Новогодний сюрприз – сервелат.

Пламенеют в авоськах прохожих
Мандарины – тугие шары.
В рыбном – скумбрии бронзовой кожей
Затмевают пожар мишуры.
Всюду ёлки – колюче-смолисты –
Пышут свежестью спиленных тел.
Беспартийные и коммунисты
Оккупируют винный отдел.

Рей гирляндами, радостный город,
Прячь подарки – халву и слона.
Снег беснуется, рвётся за ворот...
Там – за снегом – ютится луна.
Полыхает рекламой химчистка –
Рвётся в небо лиловый неон,
На фонарном столбе-зубочистке
Тлеет лампочка – белый пион.

Снег лежит на кашне и тулупах,
Подтекает на тёплых носках...
Вверх посмотришь, и кажется – лупой
Приближаешь к земле небеса.
Свет тягучий, прозрачный, нетленный
Над гнездом суеты и проблем...
Вечный город случайной Вселенной –
Ждущий новой звезды Вифлеем.

Лагерь

*Времена не выбирают,
В них живут и умирают.*

А. Кушнер

.....

Не согреть стараниям века
Ледяное небо над лесом.
Был недавно ты человеком,
Нынче – пыль – барачная плесень.
Всюду темь, укрытая ряской –
Не спасают мысли о Боге,
Лихорадка царствует тряско
По ночам на нарах убогих.
Над колючкой – вышка; охрана,
Тёмный угол, миска с баландой.
Липкий сон кончается рано,
Распухают ноги и гланды.
Облака проносятся низко,
День резинов – тянется, длится...
Под запретом всё: переписка,
Имена, фамилии, лица.

Здесь, в плену глубин котлована,
Разрывая судьбы на части,
Тьмы и тьмы безвестных иванов
Добывают родине счастье.
Дважды в год – по праздникам – булка,
В сентябре под утро пороша,
Жажда жизни ухаёт гулко,
Не давая думать о прошлом...
Не давая вспомнить о доме,
У костра поёжившись сонно.
Дом – ГУЛаг – республика Коми –
Дикий лес, промёрзшая зона.
Довелась судьбина – родиться,
Жить и ждать вмешательство Ноя...
Жаль – не стать двуногому птицей,
И не выбрать время иное.

04.16

Поднеси листву к лицу

...найти листву, и поднести к лицу...

Б. Ахмадулина

.....

Поднеси листву к лицу –
Ощути земные соки...
Вознеси хвалу Отцу
За туманы, пруд в осоке,
За усталые глаза,
Непролившиеся слёзы,
За июнь, за полдень, за
Холодок росы белёсой.

Поднеси листву к лицу –
Отыщи в себе японца:
Вишни тянутся к крыльцу,
Кошка греется на солнце.
Растворись, усни, растай
В совершенстве пантомимы
Золотых стрекозьих стай,
Облаков, плывущих мимо.

Разгляди уход осин
В остывающее небо.
Выпей, охни, закуси
Огурцом, редиской, хлебом,
Ощути последний вдох
Ускользящего лета...
Так решил всеобщий Бог:
Всё пройдёт... пройдёт и это.

04.16

Канкун

Прохлада гулких колоннад,
Тугое эхо сонных арок,
Карибский полдень, лимонад...
Тягучий воздух прян и жарок.
Хвосты ленивых игуан
Полны изящества и шарма.
Здесь каждый третий – Don Juan,
Здесь что ни женщина, то Carmen –
Горячий юг тому виной...
Паэлы запах густ и смачен.
Текилы привкус травяной,
Велюр сомбреро местных мачо.

Упругость фикусовых рощ,
Песков коралловая пудра,
Маяк – безропотен и тощ –
Темнеет – вдумчивый и мудрый.
Огни вечерних кораблей,
Дрожа, желтеют из тумана,
Восходит тучный Водолей
Тяжёлой августовской манной.
Небес мерцающий улов,
Зурна таинственного зова...
И мир немислимо лилов,
И волны бледно-бирюзовы.

04.16

Летит пчела

Летит пчела... Куда летит, на кой?
Надсадный гул тревожен и натужен.
Летит, быть может, к девушке нагой,
А может, на товарищеский ужин.
Летит, пересекая трассы ЛЭП,
Минуя фабрик дымчатые спины –
Не нужен ей кефир, не нужен хлеб –
Влечёт её горячий сок люпинов.

Летит пчела, и солнечная мгла
Становится плотней, доступней, гуще...
Тень облака на сонный луг легла,
Молчат лесов темнеющие кущи.
Плодится, пожирает Землю мох,
Вползает в города, идеи, прессу...
Летит пчела сквозь тысячи эпох,
Не зная ни науки, ни прогресса.

04.16

Железная дорога

Темнота у железной дороги...
Месяц скалится – хмырь худорогий –
Серебрит ядовитые лужи –
Хищный профиль всё злее и уже.
Пахнет вечностью шпал, керосином,
За канавами жмутся осины,
Отдыхает измученный клевер.
Убегает дорога на север.
И на юг – в темноту – убегает,
Семафорами сонно мигая:
Серый гравий, шершавые ели,
Рельсы – тусклые две параллели.
И куда бы по шпалам ни шёл ты,
Солнце будет тягучим и жёлтым,
А под вечер – мучительно-алым,
И куда б ты ни ехал, вокзалы –
Суетливо-хмельные кликуши –
Чёрных слов наметут тебе в уши,
Напугают священной иконой,
Тихим ужасом тьмы заоконной.
Ты согласишься крикливым пройдохам –
Согласишься, вздохнув и поохав,
Станешь мягким, спокойным, счастливым,
Взяв горячих сосисок и пива.
А дорога по насыпи хрусткой
Побежит меж унылостей русских,
Через горы – Хибины, Саяны,
По лугам от цветения пьяным,
Меж песков, валунов и растений,
Сквозь упругую мглу тяготений,
Став дыханием космоса, светом
Над убогим вокзальным буфетом.

04.16

Ленинград в ноябре

Ленинград в ноябре с каждым часом темней и занудней...

Выходные сменяет тупая размеренность будней.

Забулдыги-ветра – вездесущие злобные гномы.

Беспокойная очередь в винный отдел гастронома.

Неподвижные мёртвые туши ларьков на Марата.

Фонари Староневского – россыпь унылых каратов.

Беспризорная Лиговка – тень обезлюдевшей Трои.

Сквозняки пустырей, типовая тоска новостроек.

Постоянство Невы, уносящей эпоху застоя.

Бесконечное небо – до края Вселенной пустое –

Ни тепла, ни вражды, ни любви, ни надежды, ни веры...

Карамельный лубок расписных корпусов Универа.

Золочёные шпили возносятся хищно и остро,

Уползая к заливу, темнеет Васильевский Остров.

Ветер лист одинокий схватил и безжалостно вертит...

Всё ещё впереди – даже мысли о будущей смерти.

04.16

Перед снегом

Воздух осенний, тягучий и зябкий,
Низкое небо изорвано в тряпки,
Ранние сумерки, липкие тени,
Чёрные нити оградосплетений.
Вздыбленный всадник – задумчив и меден,
Купол Исакия небом объеден,
Рваные лица размокшей афиши...
Город уснул, затаился, не дышит.

Мой Ленинград – молчалив и бесцветен –
В тёмные арки врывается ветер.
Серый гранит, парапеты Фонтанки...
Листья – последнего лета останки –
Тихо плывут, под мостами качаясь.
Небо – вселенское море печали.
Фары троллейбусов – жёлтые блюда.
Город уснул и не может проснуться.

Шпиль Петропавловки золотокожий,
Чёрные спины спешащих прохожих,
Гордый Кутузов, замотанный в тогу...
Дремлет Казанский зловеще и строго.
Парки пустынные, мокрые крыши,
Шкуры газонов неряшливо рыжи.
Сонный трамвай, не нашедший ночлега...
Анабиоз ожидания снега.

04.16

Ходики

Темень... унылое зимнее утро,
Стылая рань Ленинграда.
Снег суховато-неряшливой пудрой
Лёг на витые ограды.
Скверы, пруды, флегматичные утки –
Прошное зримо и очно.
Кто это воет – огромный и жуткий –
В гулкой трубе водосточной?

Кто это воет – зловещий, губастый –
Демон зимы многорукий...
Щётка зубная, невкусная паста,
Серые школьные брюки.
Светится мякоть фонарного круга
Дыней по-летнему спелой.
Прячется в небе лилово-упругом
Ангел простуженно-белый.

Иней на стёклах – неряшливо-талый,
Мёрзлое чрево трамвая.
Зарево сварки над новым кварталом,
Вдохи вбиваемой сваи.
Рынок Некрасовский, говор кавказский,
Алым сочатся гранаты.
В небо уносит прекрасные сказки
Дым из трубы комбината.

Чёрные реки в холодном тумане,
Скука окраин, осины...
Мрак подворотен, зажатых домами,
Тусклый неон магазинов.
Финские сани у кромки залива,
Праздники, важные даты...
Тикают ходики неторопливо –
Время уносят куда-то.

05.16

Думай поменьше

Тихие сны между явью и летом,
Мысли на грани прозрений...
Будущей жизни напрасные сметы,
Майская роскошь сирени.
Кто я, зачем? Незнакомые лица,
Тени глухих переулков...
В тусклом сознании что-то клубится,
Множится, ухает гулко.

Тёмные контуры – суть атрибуты
Непостижимых материй.
Вспыхнет рассвет, облаками укутан,
Вычертит в комнате двери.
Тихо взойдёт над покоем растений
День, предвещающий пищу.
Всё впереди, расползаются тени...
Думай поменьше, дружище.

05.16

Мы лежали

Мы лежали под огнём,
Чуя воздух адский.
Каждый думал о своём –
Мерил фарт солдатский.
Пуля – злобная оса –
Туго знает дело:
Если чиркнет – в небеса,
Если чавкнет – в тело.

Мы лежали... До зари
Два часа – не много –
Зубы стискивай, ори,
Объясняйся с Богом.
Духи били наугад,
Ухала базука,
Пулемётчик – ловкий, гад –
Пристрелялся, сука.

Мы лежали под луной –
Плоские, как тени.
Страх накатывал волной,
Выгрызал сплетенье.
Ночь – вертушек не дадут –
Дальняя застава.
Эх, афганский наш редут –
Вечная подстава.

05.16

Пленник

Полоска пляжа, а над ней
Уснувшей плоти перепонка –
Для пленника тягучих дней
Свободы слой – дрожащий, тонкий.
Смотрю в окно на тишину –
Огни забытой жизни вижу
И тень, как спящую жену,
Люблю и тайно ненавижу.

Весь мир вмещаем в узкий след
Луны на теле океана.
В лиловой мгле ушедших лет
Фонарь застывшим истуканом.
Здесь всё изменчиво – смотри –
Дрожит судьба в подмёрзшей луже,
И мира – два: один внутри,
Другой – мерцающий – снаружи.

11.16

Всё помню

Всё помню: истрепавшиеся кроны,
Бульвар осенний, клином уходящий,
Крикливую восторженность вороны,
Разломанный валяющийся ящик.
В лиловой гуще вздрагивавшей лужи
Маячил свет вечерних отражений.
Сжималось время – ближе, ниже, уже –
Фатальной невозвратностью движений.

Мы шли бульваром. Ветер-неврастеник
То отставал, то упирался в спину,
Бесшумно суетящиеся тени
Бросались на зажжённые витрины.
Клубилось небо, таяла дорога,
Дрожал неон заштатного отеля.
Мы полагали: страсть сильнее рока,
И были правы – долгих две недели.

05.16

Первый снег

Мрачней нахмуренной Бастилии
Ползла бесснежная зима.
Деревья – чёрные рептилии,
Тоской сведённые с ума.
Неряшливая мглистость улицы
Свивалась, кольцами шурша.
Казалось: сумерки сутулятся,
Теряет чувственность душа.

Хрипела жизнь за занавесками,
Из крана капала вода,
Тонами взвинченными, резкими
Зловеще выли провода.
Жильцы строчили письма в органы,
Вскрывая подлый нрав зимы...
Я – обескровленный, издёрганный –
Сухарь из нищенской сумы.

И ты – сиренево-воздушная –
Не содержанка, не жена...
Снегами плотными удушливо
Легла на город тишина,
А утром – белыми отарами –
Кусты, уснувшие вповал...
И кто-то гулками ударами
Ковёр усердно выбивал.

05.16

На краю земли

Он не заслужил света, он заслужил покой.

М. Булгаков

.....

На далёком краю земли,
Где есть солнце, но нет закатов,
Остановятся корабли
В бухте между холмов покатых.
Там в лощинах висит туман –
Сахаристо-спокоен, розов...
Там настаивают океан
В изумрудных глазах стрекóзы.

На далёком краю земли
Всё, что было – не в счёт – забыто.
В синевато-густой дали
Только тени – и те размыты –
Не клокочет тоска в груди,
Не подтачивает тревога,
Там хоть целую жизнь броди
Под всевидящим оком Бога.

Там плывут облака рекой
Над вершиной горы высокой,
Там стекает с небес покой
Сонной дымкой, тугой осокой,
Там ветров золотистых нить
В голубые поляны вдета...
Там бы вечные гнёзда вить
В тишине у границы света.

05.16

Спасение

Ягода осенняя... клюква да морошка.
Дал мне Бог спасение – дальнюю дорожку,
Дал тоску щемящую – ожиданье снега,
Облака, летящие над равниной пегой.
Дал огни туманные в дремлющих аллеях,
Ощущенье странное – будто сердце тлеет,
Дал небес касания, шорохи парадной,
Мамино вязание – нитку Ариадны.
А душа-то мается – милостивый Боже!
Ёжится, сжимается, иссыхает кожа.
Сумерки осенние догорают с нею.
Мне бы не спасение, мне бы жизнь длиннее.

08.16

Мгла

Чернильной мглой, тягучим варом
Лениво вздрагивал канал.
Холодный ветер по бульварам
Листву измученную гнал.
Замёрзших статуй безнадёгу
Лилово сглатывал туман.
Клубился мрак; небесный дёготь
Сползал по замершим домам.
Густая тьма угасших окон
Сочилась, жизни лишена;
В фонарный свет – желтушный кокон –
Вплеталась влагой тишина.
Ни снов, ни слов, ни тёмной страсти,
Ни вер с надеждами и без...
Тугие шпили, мачты, снасти
В осеннем холоде небес.

09.16

Осень в Аппалачах

Желтеют склоны, небо плачет...
Накрыла осень Аппалачи –
Ветра остывшей влагой веют,
В туманах прячутся хайвеи.
Беспечность летнюю итожа,
Леса меняют лица, кожи –
Индейских красок многоцветье
Блуждает в сумеречном свете.

В разрывах неба – медь заката...
Вершины сонны и покаты –
Дождём обласканные сёстры.
Весь мир – тоскующий и пёстрый –
Карминно-жёлтый, яркий, рыжий,
Ты в нём купаешься, и ты же –
Песчинка, жалкий человечек –
Томишься, думая о вечном.

09.16

Свет замёрзшей лужи

Когда, поверив сердцу – не уму,
Пред сумраком окажешься без кожи,
И скроются в клубящуюся тьму
Желанный друг, и недруг, и прохожий,
Поймёшь внезапно, лампу затушив,
В окно увидев свет замёрзшей лужи,
Что судороги скомканной души –
Мир отражений сущего снаружи.

Пронзая муть оконного стекла,
Истают звёзды сладостного лета,
Тяжёлых книг раздумчивая мгла
Сгустится, не найдя тебе ответа,
И будет ночь... И пыльные тома
Услышат, как постукивают спицы,
Идут часы, и тёплый снег ложится,
Укутывая спящие дома.

09.16

Зима вползала хрусткой тишиной

Зима вползала хрусткой тишиной,
Ленивой мощью сдавливала клещи.
Ложилась мгла бесчувственной женой,
Метались сны – ни греющих, ни вещей.
Зима вползала... Рокот позвонков
Пугал ночных подвыпивших прохожих.
Трамвайный лязг, истерики звонков
Живьём сдирали немощные кожи.

Зима вползала – бабой на сносях –
Потухший взгляд – ни жалобы, ни визга...
Вращаясь на невидимых осях,
Хрипели шестерёнки механизма.
Наполненная ужасом река
Молчала, ожидая ледостава.
Тяжёлой мутью взгляда старика –
Небесный свод над Невскою заставой.

И думал я: бессмыслен сериал –
Унылых сцен привычная рутина...
Придёт закат – медлителен и ал –
Вернёт глазам забытую картину:
Тугие сосны, цапли в тростнике,
Июльский луг, стрекочущий кузнечик,
Обрывки неба в дремлющей реке,
Плывущей мимо, трогающей вечность.

09.16

Поздравление

*Поздравляю себя
с этой ранней находкой, с тобою,
поздравляю себя
с удивительно горькой судьбою...*

И. Бродский

.....

Я себя поздравляю с удачей – случившейся жизнью.
Поздравляю с нетающим снегом уснувшей отчизны,
Одиночеством белых ночей, ускользящих окон;
Неисправной проводкой, искрящей убийственным током.
Я себя поздравляю с нелепым рисунком обоев,
Осознанием зыбкости каменных вер и устоев,
Нескончаемой осенью, дрожью осиновых веток,
Со счастливым присутствием необъяснимого света.

Поздравляю себя с этим небом – холодным и млечным,
Ощущением – время летит и нисколько не лечит,
Беспокойной хрущёвкой – две комнаты, кухня с пеналом;
Отражением осени в чёрных тягучих каналах.
Поздравляю себя с невротически рыщущим ветром,
Будоражащим лужи, срывающим шляпы из фетра;
С электричкой светящейся, станцией, белым наливом,
Полусонной осокой заброшенных пляжей залива.

Я себя поздравляю со всем, что ещё не случилось,
Остывающим небом, пронзённым фонарной лучиной,
Молчаливой рекой, безнадёгой ночных новостроек,
Чужеродной природой скоплений казарменных коек.
Я себя поздравляю... А что мне ещё остаётся?
В полумраке прошедшего кто-то беспечно смеётся.
Консеквенция взлётов равна результату падений.
Мы приходим сюда и уходим – бесплотные тени.

10.16

Я видел звёзды в небесах

Я видел звёзды в небесах –
Дрожащие огни.
На перламутровых весах
Покоились они.
И кто-то, лёгкою рукой
Разбаламутив ил,
Стонал, томился, тёк рекой –
Вселенную творил.

Я видел, глядя в окуляр,
Бегущий электрон,
И думал: "Видимо, фигляр
Первостатейный он,"
И таял в марте вечный лёд,
Текла вода снегов...
Куда-то всё-таки ведёт
Неверие в Него.

10.16

Остывающих дней пора

Остывающих дней пора,
Шелестящих ночных туманов.
Хищным лезвием топора
Кромка неба над океаном.
Сладковато-горчащий дым
Тает в гуще сплетённых веток...
Беспросветная мгла воды
Отражает обрывки света.

Разноцветный огонь лесов
Выстилает зиме плацдармы.
Слышен осени сонный зов –
Неизменна земная карма.
Тёплых дней оседает муть,
Чёрным кружевом – ветки вишни.
Не кричи, разрывая грудь –
Не услышит тебя Всевышний.

10.16

Итог

Дождями сонными встают
Мои холодные рассветы...
Тепло, насиженность, уют
Забыты – маются по свету.
 Давно остыли голоса
Живого неба, запах дома;
 Иссохла летняя лоза,
 Законом осени ведома.

Земля вращается – держись –
 Резвее, жёстче год от года.
 Уходит муторная жизнь
В туманы зыбкой непогоды.
 Томится одинокий стог,
 Чадит усталая лампада...
 Всему прошедшему итог –
Тотальный шорох листопада.

10.16

Был ли он?

Был ли Он, нѣ был – какая разница?
Город, пустынная мостовая...
Стѣкла витрин листопадом дразнятся,
Небо набухшее остывает.
Был ли Он, нѣ был... На Землю рваную
Осень ложится кленовым кружевом;
Сонно зияя сквозными ранами,
Стонут проспекты, паря над лужами.

Был ли Он, нѣ был... Остыли статуи,
Парки туманом ночным увенчаны.
Осень – небесным катком измятая –
Горечью слов неизменно вечная.
Дремлют скамейки; молчат рябиново
Сонные скверы – промокше-рыжие.
Чувствуешь кожей, нутром, глубинами
Свет темноты высоко над крышами.

10.16

Маков цвет

Ты была моей надеждой – зыбким светом по ночам –
То настойчивой, то нежной, как дрожащая свеча.
Ты ладонью согревала мне холодную скулу,
Солнце жёлтые овалы рисовало по стеклу.
Пчёлы вечные жужжали, в кронах липовых снуга.
Вечер... Ты в вишнёвой шали... Улыбающийся я.
Первый жёлтый лист не страшен – за окном июньский свет.
Снами летними раскрашен разгорался маков цвет.

Монотонный хрип кукушки, предрассветная роса,
Свет фонарный на подушке, островерхие леса...
Нам казалось – это вечно – не вернётся листопад,
Вызревал под дымкой млечной рукотворно-личный ад.
Ты звала меня из ада, тихим голосом маня,
Ты, наверное, лампада для заблудшего меня.
Сколько в той лампаде масла? Даже звёзд не вечен свет.
Ты горела и погасла – облетел на маках цвет.

Вдохнёшь закатный шорох океана

Вдохнёшь закатный шорох океана –
Вечерним светом вспененный озон...
С изяществом ленивой игуаны
Вползает солнце в зыбкий горизонт.
Лилово зреет небо над домами...
Остывший пляж, белёсая роса...
О тишине подумаешь, о маме...
Сквозь хриплый гул возникнут голоса.
Вольётся кровь в безжизненные вены,
Вернёт былую ясность голова...
Расслышатся в безмерности Вселенной
Тебе – живому – нужные слова.

01.17

Осень, шорохом листьев ложась

Осень, шорохом листьев ложась на остывшее лето,
Источает мучительный джаз городского балета:
Как в замедленной съёмке скользят силуэты прохожих,
Вызревает рябиновый яд под шагреновой кожей.
Безразличие сонных собак, летаргия соборов;
Ветер ловко срывает с зевак головные уборы...
Потемневший от влаги фасад, немота тротуаров,
Листопадом измученный сад, бесприютные пары.

Этот страшный раздавленный двор, фонари без плафонов,
Суетливо-безликий сосед у двери с домофоном,
Одинокий строительный кран, запах гари и хлеба,
Постоянство клубящихся ран безысходного неба.
Приглушённые стоны оград, умирающих клёнов...
Лишь в далёкой небесной глуши кто-то вечнозелёный
Разливает спасительный мёд на бескрайнюю осень,
И Мария с младенцем идёт, и смеётся Иосиф.

10.16

Ты в тишине стоишь один

Ты в тишине стоишь один,
Печалась в сторону залива –
Самовлюблённый, молчаливый,
Надменный барин-господин.
Река уносит, не спеша,
На запад отзвуки востока...
Здесь зуб неймёт и видит око,
И влагой полнится душа.

Ты – на ветру дрожащий куст –
Удел страдать ниспослан свыше...
Томящ, мучителен, не слышен
Тяжёлый выдох сонных уст.
Трепещешь в каменных тисках...
Не знает взлётов и падений
Твоих зловещих привидений
Необъяснимая тоска.

Плодящий уличную мглу,
Себе три раза изменивший,
В тугую плоть небес вонзивший
Адмиралтейскую иглу,
О, город меркнущих огней,
Три века жаждущий свободы,
Твои холодные исподы
Взывают к памяти моей.

11.16

Холодный воздух жмётся книзу

Холодный воздух жмётся книзу,
А мы с тобой давно "на ты"...
На нитку осени нанизан
Дождливый бисер темноты.
Прогрелась печь – жарой кирпичной
Наводит в комнате уют.
Гляжу на профиль твой античный
И слышу: ангелы поют.

Скрипят невидимые оси –
Во мгле вращаются, дрожа –
Там за окном тоскует осень
Рябиной возле гаража.
С залива – гул моторной лодки;
Колдует дождь, едва дыша...
И перезрелой черноплодкой
К земле срывается душа.

11.16

Вечер в Палестине

Маслом писан на холстине,
Зимней скупостью богат,
Полыхал над Палестиной
Пылью зреющий закат.
Ослик с женщиной усталой
Брёл, проваливаясь в сон,
За горами солнце ало
Колыхало горизонт.

Впереди так много неба,
Жизнь – бесхитростно-проста –
Виноград, немного хлеба,
Тень зловещего креста.
Впереди вода и суша,
Зной, прохлада, мокрый снег,
Иссушающие душу
Муки сырых и калек...

Над безжизненной пустыней
Проносился ветерок,
Аромат созревшей дыни
Плыл над сумраком дорог.
Сонно ёжилась черешня,
Мгла ворочалась, густа...
И цвела над миром грешным
Вифлеемская звезда.

11.16

Ужасен нрав тысячелетия

Ужасен нрав тысячелетия –
Оскал и финка в рукаве...
Полвека в бешеном балете я
Кружусь над пропастью в траве.
Но иногда ложатся сумерки,
Стихает скрежет бытия –
Как будто все на свете умерли,
Как будто я уже не я,
А паренёк, мошкой искусанный –
Ловец осенних позолот...
Сгорают клюквенные бусины
Во влажной зелени болот.

11.16

Тополя

Вот и в Питере исчезли тополя,
Аллергенно не лояльные народу...
А когда-то, возвышаясь и пыля,
В каждый двор они дышали кислородом.
Плыл закат – дрожал над улицами, пух;
Бог ветров гонял причудливые тучи,
И лежал на тротуарах белый пух –
Невесомо-тёплый, ласковый, летучий.

Пасти арок, вечный сумрак во дворах,
Коммуналки, шоколадные медали...
Над землёй паря в неведомых мирах,
Тополя о неземном своём шептали.
Васильки дремали-нежились в полях,
По песочницам месили дети тесто...
И казалось – будут вечны тополя,
Словно зимы нескончаемого детства.

11.16

Не пойму

Не пойму, где ромашки отчизны,
Отчего всё гранит да бетон?
Полыньи, расставания, тризны,
Разухабистость бывших мадонн.
Не пойму, где прозрачные ночи,
Белый мрак над июньской Невой...
Незнакомые чёрные очи
Вознеслись и парят надо мной.

Не пойму, где закатные тени,
Суетливые блики в окне,
Подоконник с шеренгой растений,
Лифт, урчащий в ночной тишине.
Где желание пить из-под крана,
Где январская вязкость хурмы?
Лишь рябин воспалённые раны
В белом сумраке вечной зимы.

11.16

В этом городе

В этом городе тоска свила гнездо
Под холодной аркой сумрачного свода.
На вокзалах – дымный запах поездов,
По окраинам – трущобы да заводы.
В этом городе каналов и оград
Кровь течёт, не грея каменную кожу,
И ночной прохожий – тайный конокрад –
Подозрителен, пуглив и осторожен.

Здесь беспмятная чёрная вода
Заполняет пустоту резервуаров;
По котельным греясь, детская беда
Разбухает до размеров Божьей кары.
Здесь кресты на разноцветных куполах
Ищут запад в ледяных ветрах залива,
И Христу всегда сопутствует Аллах
Говорком южан напористо-крикливым.

11.16

Помню, пили под грибочком

Помню, пили под грибочком,
Обсуждали Тань и Свет...
Осень – жёлтые листочки –
Фонарей тягучий свет.
Терпкий запах бормотухи,
Два батона, пьяный спор;
Призрак будущей разрухи –
Покосившийся забор.

Первый курс... Ура свободе!
"Прибалтийская", залив,
Куртки финские по моде,
Джинсы фирменные – "Lee".
Три верзилы под грибочком
Громко ржут, пытаюсь петь...
Понесётся жизнь по кочкам –
Не успеешь разглядеть.

Клюквой сменится малина,
А потом и клюква – ёк...
Я в Нью-Йорке, Глеб в Берлине,
На погосте Игорёк.
Помню, пили под грибочком
Три беспечных дурака...
Жизнь, иссякнув, ставит точку –
Холодна её рука.

11.16

Смена эпох

В ореоле тяжких охов,
Косо щеря впалый рот,
Уходящая эпоха
Покидала свой народ.
Ей на смену шла другая –
С хищным блеском из-под век...
Словно кролик – не мигая –
Ждал чего-то человек.

11.16

Выпив чай

Выпив чай с ванильной сушкой,
А, возможно, и коктейль,
Уезжал из дома Пушкин
На злосчастную дуэль.
Вдоль по набережной узкой,
Мимо дома номер семь...
Станет он героем русским –
Неразменным "нашим всем".

Эх, судьбинушка кривая...
Гад, французишка, урод
Понимал ли: убивает
Нет, не Пушкина – народ?
Ловелас – упырь с усами –
Танцы-выпивка-кровать...
А поэтов мы и сами
Научились убивать.

11.16

Смотрю в окно: вода остывшая

Смотрю в окно: вода остывшая,
Скамейка влажная, кусты –
В осенней вечности застывшие
Штрихи вселенской пустоты.

Непостижимы тайны сумерек,
Законы таянья дымов...
Дневные звуки сникли, умерли;
Луна над крышами домов.

Клубясь, вздымаясь, мгла косматая
Мелькает тысячами рук...
Сгорая, лист последний падает –
Ложится замкнутостью в круг.

11.16

Попроси

Украине – незалежность,
Императора – Руси.
Облаков закатных нежность
Ты у Бога попроси...
Оживающих магнолий
Бледно-розовую мглу,
Гул шмелей в июньском поле,
Тень лиловую в углу.

Не стесняйся, будь смелее,
Будь настойчивым – проси:
Темноты в ночных аллеях,
Безысходности осин,
Предвесенних вьюжных гимнов,
Немоты холодных вод...
Не проси любви взаимной –
Не испытывай Его.

12.16

Ежегодное послание вождя

Дорогие россияне!
Мы прорвали тьму веков!
Стало меньше всякой пьяни,
Вырос вал грузовиков.
Кое-где нам роет яму
Подлый вражеский наймит,
Но рождаемость упрямо
В небо графики стремится!

Дорогие россияне,
Честь для нас важней еды!
Можем мы и на баяне,
Можем... – в космосе следы.
Наши адские ракеты –
Это вам не хи-ха-ха!
Всем крепиться – скоро лето –
Так сказала ЖКХ.

Я клянусь родимой мамой –
Скоро к Марсу полетим!
Изживём лентяя, хама,
Дурака, его-ети.
Сколько можно жить нефтянкой?
Без ХайТека прям беда!
Не носите вы портянки –
Что за дикость, господа?

Расхитителей бюджета
Мы немедленно к ногтю!
Как же так? Ну как же это –
Деньги родины – тю-тю!!?
Мы вернём образование:
Каждой школе кинозал!
Всё путёво! До свиданья.
Хау, народ, я всё сказал.

12.16

Вот сосульки растаяли

Вот сосульки растаяли в сонном районе моём...
Рыхлым снегом набух почерневший в тепле водоём.
Отогрелись трамвайные окна, расплылся каток,
Пробежал под корой тополей еле слышимый ток.
Я брожу в новостройках последние тысячу лет –
Расслоившейся тенью скольжу сквозь фонарный свет.
Тротуар, магазины, тягучий неон витрин...
Не пойму, что за город – Венеция или Рим?
Здесь в безликих пространствах скучает моя жена –
Варит щи, смотрит фильмы – доверчива и нежна,
Я дарил ей кулоны, игрушечного слона...
Неподвижно висит над моей головой луна.

Сам себе говорю: Ты, наверное, здесь умрёшь –
Так и будешь лежать – шапка, курточка, брюки клёш –
Будет вечно светить над тобой золотой фонарь,
На лице оседать суетливых проспектов гарь.
Темнота во дворах нависает, ложится ниц.
Стекленеют кусты вдоль кирпичных боков больниц.
В котловане мерцают лекала оплывших льдин.
В этом городе длинной зимы ты всегда один.
Ты один между прямоугольных горбов домов,
Между окон молчащих, упругих ночных дымов,
Меж щитов трансформаторных, гулко хранящих ток.
Здесь твоя бестолковая жизнь завершит виток.

12.16

Viva император

Viva, viva император!
Простирай над миром тень!
За стеною перфоратор
Мозг выносит целый день.
Под окном тоскует осень,
На стекле дрожит вода...
Перфоратор мозг выносит –
Безвозвратно – в никуда.

Память – кладезь потрясений:
Неразгаданные сны,
Запах прелости осенней,
Цвет смолистости сосны.
Садоводство, лето, цапли,
Солнце, выпивка, еда...
Утекает жизнь по капле,
Как из ёмкости вода.

12.16

Тополю

Когда я был маленьким, ты шумел,
Качаясь, стонал во сне.
В морщинах ссыхался шершавый мел,
Катилась зима к весне.
Я мир познавал, уходя в запой –
За слоем снимал слой,
А ты, оставаясь самим собой,
Зарубки лечил смолой.

Я тайные смыслы везде искал,
Как пёс разгребал ил...
Улыбку сменял ледяной оскал...
Ты, глядя на мир, пылил.
Состарившись и превратясь в дрова,
Ты плотью вскормил печь.
Река, замерзая, была права –
Всё в землю должно лечь.

12.16

Дембель

Ночь таинственна, густа...
Воздух шоколадный.
Жизнь бессовестно проста –
День прошёл – и ладно.
День, неделя, месяцок...
Форма по погоде.
Слышишь – дембель – цок да цок? –
Где-то рядом, вроде.

Дембель, ты ли? Как я рад,
Где ж ты бродишь, милый?
Не задерживайся, брат,
Без тебя мне вилы.
Поприелся вечный бой –
Вот бы саблю в ножны...
Ты возьми меня с собой –
Здесь темно и тошно.

12.16

Январь сковал уснувший город

Январь сковал остывший город –
Кристаллы зреют на стекле.
Дома – бесформенные горы –
Лилово прячутся во мгле.
Ночь – ядовитее цикуты –
Дрожит, безбрежностью маня.
Холодный месяц тьмой окутан –
Скучая, смотрит на меня.

Молчу... хотя сказать хотел бы,
Что гороскоп грозит бедой,
Что на Земле уснули вербы,
Остыло солнце над водой.
Что снятся снег, леса и волки,
Что мыслей сор – не прополоть...
Вползает в душу ужас колкий,
Съедая замершую плоть.

Но, темнотой иссякнув, ночи
Падут рассохшейся стеной.
Проснутся реки, загрохочут,
Хребет ломая ледяной.
Снега растают, мальчик Витя
Найдёт потерянный пятак...
Возможно, кто-то не увидит,
Но непременно будет так.

12.16.

А ты тонка и золотоволоса

А ты тонка и золотоволоса,
Как будто из луча – не из ребра...
Предплечий ускользящие лозы –
Оттенки неземного серебра.
Прохлада отзывающейся кожи,
Неясный свет, ниспосланный луной...
За что мне это – милостивый Боже –
И тишина, и снег, и ты со мной?

А снегопад – обильный и безмолвный –
Закроет небо, землю, тусклый свет,
И мы – на берег брошенные волны –
Почувствуем – дороги дальше нет.
Я крикну: “Пойдём путём окольным –
Её, почти угасшую, спасём!”
Но кто-то посчитает: с нас довольно...
Закроет книгу, тихо скажет: Всё.

12.16

Там исчезает солнце

Там исчезает солнце,
Падая за дома.
Щурясь лицом японца,
Сходит Земля с ума.
В окнах дрожит, пылая,
Алый размыв – закат.
Очередь в рыбный злая...
Контур моста покат.

Как ты прекрасна, юность
В джинсовой куртке "Lee".
Можно с улыбкой плюнуть
В грязный оскал Земли.
Можно беспечно верить
В радостный гул примет...
Там в дерматине двери
И домофонов нет.

Там над рекой молчащей
Воет тягучий альт.
В сонных дворовых чашах
Вечно сырой асфальт.
Шорох осенних скверов,
Чёрные трубы ТЭЦ...
Там несомненна вера,
Там молодой отец.

12.16

Колбаса, бычки в томате

Колбаса, бычки в томате,
Поллитруха, три стакана...
В облаках – тягучей вате –
Дом высотным истуканом.
Гаражи, бетонный короб,
Хлипкий ящик под газетой...
Задыхающийся город,
Нескончаемое лето.

На заборе – драный ватник
В позе дремлющего йога.
Жизнь кончается в тридцатник,
Дальше – мрак и безнадёга.
Дальше – переосмысленье
Аксиом и постулатов...
Бог, стоящий на коленях,
Нерешительность Пилата.

Я – счастливейший наследник
Бесприютного скитальца –
Свет колышущийся летний,
Утекающий сквозь пальцы –
Ни безверия, ни веры –
Жизнь без якоря и сметы...
Только вязкость атмосферы
Остывающей планеты.

12.16

Ночь перед НГ

Город оторочен
Роскошью собольей.
Стала ночь короче –
Издержалась болью.
На постель ложится
Тлеющая манна...
Проплывают лица
Сгустками тумана.

Полусон рождает
Скопище видений:
Мама молодая –
На ресницах тени,
Розовые кони,
Страстные испанки,
Узкий подоконник,
Луковица в банке...

Свет остывшей выси –
Тьма густого масла...
Кто-то искру высек,
А она погасла.
Под небесной аркой
Город будто замер...
Ждут людей подарки,
Оливье тазами.

12.16

Январь семидесятых

Снег на улицах и крышах,
В синем инее трамваи.
Кот бродяжничает рыжий,
Ангел в небе подвывает.
Из подвала запах смрадный;
Хрип фальшивящего горна...
Плоть прокуренной парадной,
Стены в надписях узорных.

Гастроном неоном пышет.
Вкус грейпфрута кисло-горький.
Я – то в санках, то на лыжах.
Деревянный остов горки.
На снегу резвятся дети –
Шалопайи, поросята...
Заблудились люди-йети
В январях семидесятых.

01.17

Секунда

За эту секунду случилось немало:
Рассвет по планете рассыпался ало,
В деревне заблеяли глупые козы,
Вдохнула трава, зашуршали стрекозы.
Секунда – разбилась небесная смальта,
Осколками рухнув на скуку асфальта;
Цветы на тепло устремили головки...
Кот выгнулся – сладко, забавно и ловко.

Стряхнула листва водянистую пудру,
Сказала: "Ночь кончилась. Доброе утро!"
Трамвай покотил из отстойника снуло,
На бронзовом Ленине солнце блеснуло.
Секунда – и пуля, дрожа, полетела
В надежде на встречу с податливым телом;
Закончила смену уборщица в ГУМе...
Заплакал младенец, и кто-нибудь умер.

01.17

Ночью лаяли собаки

Ночью лаяли собаки,
Совы ухали в лесах,
Мельтешили вурдалаки,
Твари грызли небеса.
Закопчёный сумрак фрески,
Тишиной гнетущий зал...
Липкий гад по занавеске,
Извиваясь, уползал.

Становились тени уже,
Тлел зелёный горизонт...
Резал светом тьму и ужас
Вязкий утренний озон.
За окном январь и заметь,
Реки в шорохах шуги...
Сколько будут мучить память
В тишине твои шаги?

01.17

Я не хочу летать

Я не хочу летать, зачем мне крылья?
Порхать – удел счастливцев и стрекоз.
Проливы, острова, гряда курилья,
В истоме летней тающий покос –
Всё это и понятней, и дороже
Чугунной лжи возвышенных словес...
Отзывчивая дрожь прохладной кожи,
Закатно разгорающийся лес...

Среди болот, песков, тоски осенней,
Апрельской влаги, дремлющих снегов
Достаточно покоя, потрясений,
Земли, свободы, неба и оков...
Пока далёкий колокол не динькнул,
Пока желтеют окнами дома,
Мне хватит ног в изношенных ботинках,
И пары глаз, и сердца, и ума.

02.17

С каждым годом меньше греет

С каждым годом меньше греет
Жизни мутная река.
Занавеска, батарея,
Тьмы скользящая рука.
Тишина покоя – ближе,
Дальше брэнность бытия...
Сумрак двор пустынный лижет –
Беспристрастный судия.

Город зимний, город бледный,
Непричёсанный со сна...
Подкрадётся незаметно
Стервой радостной весна,
Размахнётся, даст по роже –
Ждал? Дождался – не ори.
Завтра будет всё дороже...
Даже соль и сухари.

02.17

Никуда наш мир не катится

Никуда наш мир не катится,
Не летит, сорвавшись, вниз...
Май пришёл – девчонки в платьицах,
Грач уселся на карниз.
Дождь грибной оставил радугу
Изгибаться в синеве,
Льды с расчистившейся Ладоги
Уплывают по Неве.

В переулках не полощется
Первобытно-липкий страх;
Не казнят на людной площади,
Не сжигают на кострах.
Благодать во взглядах любящих
Каждый может прочитать...
Все одеты, и не в рубища.
Хватит, люди, причитать.

02.17

День, угасая, выбился из сил

День, угасая, выбился из сил...
В глухую тьму планету погрузил
Всесильный забавляющийся некто.
Затихли звуки в комнате моей...
Безмерно одиночество огней
В тоске немного космоса проспектов.

Коническая лунность на воде...
Вздыхает в бесконечной темноте
Холодный свет колеблющихся крошек.
Проглатывая улицы, туман
Оплавит бездыханные дома,
И этой ночью будет всё как прошлой:

Почувствовав тупую духоту,
Полуочнусь – бесчувственный, в поту –
Услышу крик встревожившейся птицы;
Вползёт в окно раскормленный тюлень –
Косая фиолетовая тень,
И в сотый раз виденье повторится:

В пределах шевеления руки
Возникнут великаны-пауки,
Громадные хитиновые раки...
Но ляжет от угла и до угла
Лиловая предутренняя мгла,
И чудища растут в полумраке.

02.17

ТВОИ ОГНИ

Твои огни, дворцы, деянья ратные
Восславлены поэтами вовек...
Прокуренные тёмные парадные,
Холодная вода угрюмых рек.
Ты боль свою восторженно выращивал
Из подворотен, эха, фонарей;
Взирая на плоды стараний пращуров,
Вдыхал тоску неведомых морей.

Железо крыш, мансарды, шпили острые,
Уродец-двор, раздавленный стеной...
Колонны, ощетиненные рострами,
Январский парк – зловеще-ледяной –
Всё это в закоулках пыльной памяти,
Утопленной в спасительном вине,
То хлещет по лицу февральской метью,
То майской тенью дремлет на стене.

02.17

Без коров луга

Без коров луга, просёлок без машин –
Тишина вокруг – свидетельство разрухи –
Здесь и жителей всего-то три души:
Дурачок да две беззубые старухи.
Не давали за домá и полцены,
И они в обиде трубами дрожали...
Уезжали из деревни пацаны,
И девчата, вырастая, уезжали.

От реки ползёт прожорливый туман,
Напрягая расклубившееся тело;
Стосковались по хозяевам дома,
Зарастая бузиной и чистотелом.
Ни души... никто не бросится спасать,
Ночью тьма чугуна – впору расколоться...
И царапает деревня небеса
Журавлиной шеей мёртвого колодца.

03.17

Оглавление

<i>Осенняя Ладога</i>	1
<i>Закат</i>	2
<i>Осенний Таллинн 1980</i>	3
<i>Из окна электрички Ленинград – Комарово</i>	4
<i>Ночной город</i>	5
<i>За окном стемнело, воздух пег</i>	6
<i>Вот и всё – метели отмели</i>	7
<i>Я лежу</i>	8
<i>Канкун блюз</i>	9
<i>Снег в Нью-Йорке</i>	10
<i>Снег в Питере</i>	11
<i>Июль 81г</i>	12
<i>Мы держали южный склон</i>	13
<i>Вечера в Коркино</i>	14
<i>Чероки</i>	15
<i>Ты вернёшься</i>	16
<i>Небо над водой</i>	17
<i>В феврале</i>	18
<i>Валдай</i>	19
<i>Свет</i>	20
<i>Из окна</i>	21
<i>Маэта</i>	23
<i>Дорога</i>	24
<i>Багаж</i>	25
<i>Больница</i>	26
<i>Закон</i>	27

<i>Блаженство.....</i>	<i>28</i>
<i>В конце лета.....</i>	<i>29</i>
<i>Январь</i>	<i>30</i>
<i>Парадная.....</i>	<i>31</i>
<i>Просека</i>	<i>32</i>
<i>Дача.....</i>	<i>33</i>
<i>Сядем на рельсы</i>	<i>34</i>
<i>Рябины</i>	<i>35</i>
<i>Ночь.....</i>	<i>36</i>
<i>Там</i>	<i>38</i>
<i>Ты говорила</i>	<i>39</i>
<i>Когда ты плачешь.....</i>	<i>40</i>
<i>Ночной Ленинград</i>	<i>41</i>
<i>Новый Год в Ленинграде.....</i>	<i>42</i>
<i>Лагерь</i>	<i>43</i>
<i>Поднеси листовку к лицу</i>	<i>44</i>
<i>Канкун</i>	<i>45</i>
<i>Летит пчела</i>	<i>46</i>
<i>Железная дорога.....</i>	<i>47</i>
<i>Ленинград в ноябре</i>	<i>48</i>
<i>Перед снегом.....</i>	<i>49</i>
<i>Ходики</i>	<i>50</i>
<i>Думай поменьше</i>	<i>51</i>
<i>Мы лежали</i>	<i>52</i>
<i>Пленник.....</i>	<i>53</i>
<i>Всё помню</i>	<i>54</i>
<i>Первый снег.....</i>	<i>55</i>
<i>На краю земли</i>	<i>56</i>

<i>Спасение</i>	57
<i>Мгла</i>	58
<i>Осень в Аппалачах</i>	59
<i>Свет замёрзшей лужи</i>	60
<i>Зима вползала хрусткой тишиной</i>	61
<i>Поздравление</i>	62
<i>Я видел звёзды в небесах</i>	63
<i>Остывающих дней пора</i>	64
<i>Итог</i>	65
<i>Был ли он?</i>	66
<i>Маков цвет</i>	67
<i>Вдохнёшь закатный шорох океана</i>	68
<i>Осень, шорохом листьев ложась</i>	69
<i>Ты в тишине стоишь один</i>	70
<i>Холодный воздух жмётся книзу</i>	71
<i>Вечер в Палестине</i>	72
<i>Ужасен нрав тысячелетия</i>	73
<i>Тополя</i>	74
<i>Не пойму</i>	75
<i>В этом городе</i>	76
<i>Помню, пили под грибочком</i>	77
<i>Смена эпох</i>	78
<i>Выпив чай</i>	79
<i>Смотрю в окно: вода остывшая</i>	80
<i>Попроси</i>	81
<i>Ежегодное послание вождя</i>	82
<i>Вот сосульки растаяли</i>	83
<i>Viva император</i>	84

<i>Тополю</i>	<i>85</i>
<i>Дембель</i>	<i>86</i>
<i>Январь сковал уснувший город</i>	<i>87</i>
<i>А ты тонка и золотоволоса</i>	<i>88</i>
<i>Там исчезает солнце</i>	<i>89</i>
<i>Колбаса, бычки в томате.....</i>	<i>90</i>
<i>Ночь перед НГ.....</i>	<i>91</i>
<i>Января семидесятых.....</i>	<i>92</i>
<i>Секунда.....</i>	<i>93</i>
<i>Ночью лаяли собаки.....</i>	<i>94</i>
<i>Я не хочу летать.....</i>	<i>95</i>
<i>С каждым годом меньше греет</i>	<i>96</i>
<i>Никуда наш мир не катится</i>	<i>97</i>
<i>День, угасая, выбился из сил</i>	<i>98</i>
<i>Твои огни</i>	<i>99</i>
<i>Без коров луга</i>	<i>100</i>

